

Тенденциозный реализм

19 июля 2013 года исполняется 120 лет со дня рождения Владимира Владимировича Маяковского. Дата не самая круглая, но, тем не менее, тот, кого некогда Сталин назвал «лучшим и талантливейшим поэтом советской эпохи»¹, заслуживает явно большего, чем молчание. И дело, разумеется, не в Сталине, не в тех сложных многоходовых интригах, которые он вел на литературно-идеологическом фронте вокруг фигуры Маяковского: не случайно приведенные выше слова, как бы мимоходом набросанные на письме Л. Брик с просьбой об увековечении памяти поэта, всего через несколько дней — 5 декабря того же года — появились в «Правде». Дело в самой природе феномена поэта, занимающего слишком значимое место в нашей культуре, чтобы позволить себе молчать.

В официальном советском литературоведении, начиная с 1930-х годов, Маяковский представлялся исключительно как певец советского строя. На щит поднимались такие его тексты, как поэмы «Владимир Ильич Ленин» (1924), «Хорошо!» (1927), «Во весь голос» (1930) и др. Именно таким, не вырванным, а буквально выломанным из контекста литературно-художественного авангарда 1910—1920-х годов, поэт предстает в воспроизводимой ниже статье одного из «генералов» советского литературоведения Владимира Родионовича Щербины (1908—1989). В 1953 году последний был только-только назначен заместителем директора Института мировой литературы им. А. М. Горького, главного академического ведомства на «литературном фронте», и именно в этом качестве изложил официальную точку зрения на творчество Маяковского в официальном же партийном журнале.

Замечу, что не в последнюю очередь официальность позиции, выраженной Щербиной, проявляется в той ловкости, с которой этот «боец идеологического фронта» всего через несколько месяцев после смерти Сталина умудряется не только свести к минимуму упоминания имени вождя, но и элегантно трансформировать вынесенную в заглавие цитату, дабы избежать указаний на ее источник. А ведь еще не успели высохнуть чернила на стенограмме Июльского пленума ЦК КПСС (1953), на котором прозвучали самые первые, еще достаточно робкие слова осуждения «культы личности»!

Понятно, что Маяковский — каким он предстает в оценках Щербины (в 1976-м дослужившегося до статуса члена-корреспондента АН СССР) — не мог написать чего-либо подобного таким, например, словам:

---

¹ См. **И. В. Сталин**. Записка Н. И. Ежову (после 24 ноября 1935 года). — **Он же**. Сочинения. Т. 18. Тверь, 2006. С. 115.

Рот зажму.
Крик ни один им
не выпущу из искусанных губ я.
Привяжи меня к кометам, как к хвостам
лошадиным,
и вымчи,
рвя о звездные зубья.

«Флейта-позвоночник» (1914–1915)

Однако нет никаких оснований и для игнорирования факта восторженно-го отношения поэта к советскому строю и его руководящим деятелям, которое недвусмысленно выражено Маяковским, до конца жизни видевшим себя в авангарде строителей нового общества:

Я хочу,
чтоб к штыку
приравняли перо.
С чугуном чтоб
и с выделкой стали
о работе стихов от Политбюро,
чтобы делал
доклады Сталин.

«Домой!» (1925)

Сам Маяковский вовсе и не думал нивелировать внутренние противоречия в своем творчестве. Он именовал свой метод «тенденциозным реализмом», где новизна содержания предполагала и абсолютное обновление формы. И этот подход находил понимание даже у тех современников, кого с первого взгляда сложно заподозрить в сочувствии поэту: «...читателю, сначала в своей наивной самонадеянности убежденному, что Маяковский для него ломается..., скоро пришлось убедиться, что прорывы и разрывы Маяковского не ему, читателю, погремушка, а прямое дело жизни — чтобы было чем дышать. Ритмика Маяковского физическое сердцебиение — удары сердца — застоявшегося коня или связанного человека» (М. И. Цветаева)².

Сегодня мы хорошо понимаем, в какой мере гений Маяковского связан с природой глубочайшего кризиса первых десятилетий XX века. Этот кризис, ставший следствием целого комплекса не имевших аналогов в прошлом социальных, экономических и культурных процессов и обернувшийся колоссальным психологическим напряжением, породил слишком много беспрецедентно нового, чтобы его, это новое, можно было просто так «уложить» в прокрустово ложе традиционных, устоявшихся форм.

Мир сошел с ума и встал на дыбы. Одни современники восприняли это с восторгом и надеждами на радикальное обновление, другие — с ужасом, предчувствуя пришествие Антихриста. Как известно, Маяковский был в числе первых, более того — в их авангарде:

Я знаю силу слов, я знаю слов набат
Они не те, которым рукоплещут ложи
От слов таких срываются гроба
шагать четверкою своих дубовых ножек...

«Неоконченное», V (1929–1930)

Но настал момент — и волны кризиса отступили. Буря улеглась, началась эпоха очередной «стабилизации», в контекст которой «лучший и талантливейший» явно не укладывался. Авангард сменил устало-правильный неоклассицизм — и не только в искусстве. Однако Маяковский успел — он ушел раньше, хотя и на грани.

А еще потом про него написал Щербина. ◆

² *Цит. по: Л. А. Булавка. Коммунизм возвращается. Маяковский. — «Альтернативы». 2006. №10.*